

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Д.Г. Смирнов

Смирнов Дмитрий Григорьевич (Иваново, Россия)
— доктор философских наук, заведующий кафедрой
философии Ивановского государственного университета;
Email: dissovet_212@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕСЕМИОТИЗАЦИИ КАК ФОРМЕ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
(«РОДИНА-МАТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)¹

Статья посвящена исследованию феномена ресемiotизации как одной значимых форм современной символической политики России. В первой части статьи осуществляется компаративистский анализ символизации, ресимволизации, пересимволизации, десимволизации, ресемiotизации, раскрываются когнитивные основания ресемiotизации, предлагается ее дефиниция. Во второй части автор раскрывает специфику ресемiotизации в рамках дискурса символической политики. Третья часть посвящена анализу кейсов ресемiotизации образа Родины-матери в символической политике постсоветской России.

Ключевые слова: ресемiotизация, «Родина-мать», символическая политика, диахрония образа, культурная память, социальная реальность

D.G. Smirnov

Dmitry G. Smirnov (Ivanovo, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences; Head of the Department of Philosophy of Ivanovo State University; Email: dissovet_212@mail.ru

ON RESEMIOTIZATION AS A FORM OF SYMBOLIC POLITICS
(THE «MOTHERLAND» IN POLITICAL PRACTICES OF CONTEMPORARY
RUSSIA)

The article dwells upon the study of the resemiotization phenomenon as a remarkable form of contemporary symbolic politics of Russia. The first part of the article presents a comparative analysis of symbolization, resymbolization, desymbolization, and resemiotization, reveals the cognitive foundations of resemiotization, offers its definition. In the next section the author demonstrates the specificity of resemiotization in the framework of the symbolic politics. The third part focuses on the cases of resemiotization of the «Motherland» in the symbolic politics of post-Soviet Russia.

Keywords: resemiotization, the «Motherland», symbolic politics, diachrony of symbol, cultural memory, social reality

¹ Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

Пространство современной российской символической политики очень насыщено как в плане форм, способов, инструментов, так и в плане содержания – образов, символов, смыслов. Как показывают исследования последнего времени семиосфера современной России «во многом носит пестрый мозаичный характер» [8, с. 170]. Этот своеобразный «семиотический хаос», как показывает С. А. Сукало, во много обусловлен «наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных интерпретаций концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества» [29, с. 91]. Причины подобной противоречивости, с нашей точки зрения, лежат в плоскости семиотических процессов, протекающих в современном политическом пространстве, определяющим из которых в последнее время становится процесс ресемиотизации.

Предмет настоящей статьи – феномен ресемиотизации как форма символической политики. Цель исследования в этом контексте двояка: с одной стороны, раскрыть теоретический и методологический потенциал ресемиотизации в контексте символической политики, с другой, – осмыслить образ «Родины-матери» в коллизиях современной отечественной ресемиотизации.

**Ресемиотизация в категориальном пространстве
современной символической политики**

Термин «ресемиотизация» еще только проникает в научный лексикон современной политической науки. Вместе с тем, он прочно закрепился в таких сферах научного знания, как лингвистика (в том числе, социолингвистика), культурология, урбанистика, искусствоведение и других. Каждый из названных дискурсов так или иначе пытается сформировать «собственную» модель понимания сущности ресемиотизации.

Являясь относительно новым, термин «ресемиотизация» должен быть включен в существующую категориальную сетку исследований по символической политике. Здесь он сразу же «сталкивается» с понятием «ресимволизация» («пересимволизация»), уже получившим широкое распространение в ряде работ, в том числе и политологической направленности.

В контексте нашего исследования будет интересным обратиться к концепции профессора университета Рочестера, литературоведа Д. Блейха [35]. Отправной точкой размышлений автора является тезис о том, что «знание создаётся людьми, а не находится» [35, с. 18]. Д. Блейх раскрывает систему взаимоотношений человека с эстетическими объектами через триаду понятий: "отклик" (response), "символизация" (symbolization) и "ресимволизация" (resymbolization) [35, с. 97]. Отклик – это опыт оценочного восприятия объекта, символизация – оценочное восприятие, которое превращает реальные объекты в символические, а ресимволизация – это уже концептуализация того, почему мы воспринимаем объект оценочно и символизируем его. Как показывает Л. В. Анисимова, в трактовке Д. Блейха ресимволизация фактически отождествляется с интерпретацией, ибо «вызвана субъективным желанием реципиента понять свое оценочное восприятие объекта» [1, с. 281–282]. Для нас значимой представляется мысль Д. Блейха о том, что интерпретатор вправе говорить с уверенностью и без обобщений лишь о своих собственных «символизациях» и «ресимволизациях» эстетического объекта [35, с. 99], а вот «коллективная схожесть» в восприятии может быть констатирована исключительно при обсуждении и сравнении совокупности индивидуальных откликов [35, с. 98].

В продолжение развития этой линии размышлений обратимся к точке зрения П. В. Ива-

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

нова, который проводит четкую грань между феноменами ресимволизации и пересимволизации. «"Ресимволизация" многих "расколдованных" капиталистическими взаимоотношениями практик, – пишет автор, – также возможна, наравне с "пересимволизацией" нейтральных практик» [6, с. 154]. Суть идеи автора заключается в том, что пересимволизация как процесс означивания протекает в рамках одного и того же семиотического уровня (символ наделяется другим, но рядоположенным значением), ресимволизация же предполагает упрощение или усложнение символа (например, знак определенной субкультуры трансформируется в идеологический символ). Схожие мысли высказывает И. Е. Фадеева, рассматривающая ресимволизацию как «обоюдоострый процесс, заставляющий индивидуальное сознание или переходить к сложным интеллектуальным процедурам, направленным на непосредственное схватывание сверхсложных информационных конфигураций, или тонуть в энтропии психофизиологической реактивности» [31, с. 15]. Здесь просматривается явная отсылка к идеям иерархии знаков и знаковых систем, которые чаще всего строятся по принципу от простого к сложному. В пользу такой интерпретации косвенно свидетельствует наличие в понятийном пространстве таких терминов как «десимволизация», «рассимволизация». В. Ю. Сухачёв, например, раскрывает сущность десимволизации через ницшеанскую метафору: «Некогда дух был Богом, потом стал человеком, а ныне становится он даже чернью» [30]. Иными словами, десимволизация, в данном случае, мыслится не как процесс потери значения, а как «опрошение» значения в условиях новой действительности.

В. А. Парамонова в контексте «борьбы за собственное социально-символическое пространство» оперирует уже смысловой парой «символизация / ресимволизация». Автор связывает этот двоякий процесс с революционными преобразованиями, т.к. он «вызван потребностями новой власти узаконить свое присутствие на определенной территории путем перемаркировки социального пространства в соответствии с собственными устремлениями [17, с. 51]. В исследовательской литературе широко распространено мнение, что ресимволизация является результатом «конфронтации символов нового и старого», процессов «общественного беспокойства в силу нарушения устоявшихся значений» [27, с. 81].

В. Е. Семенков, напротив, предлагает рассматривать ресимволизацию «как новый способ производства символического», отличный от символизации, который «предполагает новое мышление и новый язык» [25, с. 12]. Намек на изменения в мышлении и языке здесь следует, очевидно, понимать как формирование новых семиотических связей означаемого и означающего, что задает новые семантику, прагматику и синтактику, то есть фактически новый семиотический код.

Подводя итог краткому анализу феномена ресимволизации, как он представлен в современной исследовательской литературе, заметим, что он «несет значительную социокультурную и идеологическую нагрузку и влияет на формирование мира, определяя ценностно-символическую систему для поколений, социализация которых проходила без знаний о предыдущих мирах и системах» [17, с. 53]. В самом общем плане он представляет собой процесс перевода на новый язык того или иного символа культуры, который может строиться как в направлении от простого к сложному, так и по обратной траектории – от сложного к простому.

Сказанное выше заставляет нас «примерить» к рассматриваемому понятийному полю «бритву Оккама», ответить на вопрос: действительно ли включение в структуру категориального аппарата термина «ресемиотизация» не «умножит сущностей»?

Процесс онтологизации феноменов социальной реальности строится по принципу от простого к сложному, которому подчинено и развитие эпистемологии в целом. Выбор, изна-

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

чально павший на термины «символизация», «ресимволизация», определялся не столько объективными требованиями описания тех или иных семиотических систем, сколько исследовательскими предпочтениями авторов. Именно понятие «символ», в известной степени модное в науке и наиболее удобное для обозначения конкретных (материальных и духовных) «предметов» культуры, в отличие от понятия «знак», отягощенного насыщенным и не всегда четко фиксируемым содержанием, стало исходным для производных, описывающих знаковую составляющую социального бытия. Вместе с тем, исследовательское погружение в проблематику символической политики позволяет констатировать тенденцию к уточнению категориального аппарата.

Другое основание лежит в методологической плоскости. Вслед за У. Эко, мы понимаем под семиотиками «отдельные системы знаков» [33, с. 493]. Соответственно, ресемиотизация, в рамках нашего исследования, связана не столько с изменением значения того или иного символа в зависимости от исторического контекста, сколько с переходами элемента культуры как знака из одной семиотики в другую.

Термин «ресемиотизация» не получил широкого распространения в контексте исследования символической политики. Вместе с тем, понятие «семиотизации» присутствует в различных исследовательских дискурсах [см., напр.: 4; 7; 11; 24]. Особо здесь следует выделить работы теоретико-методологического плана [3; 14], ориентированные на постмодернистскую стратегию мировосприятия. Подобная «стратегия семантизации бытия» базируется на постулатах, которые во многом раскрывают природу «семиотического хаоса», о котором речь шла в самом начале статьи: «отказ от смысла в качестве наличного (презумпция "усмотрения хаоса" и толкования последнего в качестве смыслопорождающего), во-вторых, отказ от идеи референции (презумпция принципиальной семиотичности данной человеку реальности) и, в-третьих, отказ от аксиологической приоритетности какого бы то ни было стиля мышления в качестве дискурса легитимации (презумпция принципиальной нарративности и, следовательно, плюральности описания и объяснения)» [14, с. 93]. Именно смыслопорождение, плюральность описания и объяснения как атрибуты современного российского символического пространства вызывают к жизни феномен ресемиотизации.

В широком культурологическом смысле ресемиотизация понимается, например, как «перестройка культурной памяти», «процесс освоения заново», возвращение к символической жизни [16, с. 97–104] тех или иных элементов (артефактов) семиотического пространства. Наряду с ресемиотизацией, в исследовательском пространстве встречаются упоминания о таких феноменах, как десемиотизация, гиперсемиотизация и гипосемиотизация [9, с. 16, 30], которые содержательно авторами не определяются.

**Ресемиотизация: понятие и феномен
в контексте символической политики**

Одним из немногих исследователей, прибегающих к использованию термина «ресемиотизация» в рамках исследования политического дискурса, является профессор Университета Нового Южного Уэльса Рик Идэма (Rick Iedema) [37; см. также 41]. Изучение феномена ресемиотизации Р. Идэма осуществляет через призму концепции мультимодальности (multimodality), предложенной Г. Крессом (G. Kress) и Дж. Огборном (J. Ogborn), или, как формулирует это сам автор, мультисемиотической сложности (the multi-semiotic complexity), формируемой дополнительностью языковых и неязыковых комплексов.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

«The term multimodality was introduced to highlight the importance of taking into account semiotics other than language-in-use, such as image, music, gesture, and so on. The increased ubiquity of sound, image, film, through TV, the computer and the internet is undoubtedly behind this new emphasis on and interest in the multi-semiotic complexity of the representations we produce and see around us» [36, p. 39].

В работах Р. Идэмы можно зафиксировать несколько вариантов понимания ресемиотизации. С одной стороны (в «гносеологическом» аспекте), ресемиотизация представляет собой «процесс смещения (изменения) смыслов от контекста к контексту, от практики к практике, от одного этапа практики к следующему» (*resemiotization is about how meaning making shifts from context to context, from practice to practice, or from one stage of a practice to the next*) [36, p. 41]. С другой стороны (в «онтологическом» аспекте), автор трактует ресемиотизацию как межсемиотический сдвиг (*intersemiotic shift*), что «помогает понять и описать в филогенетической перспективе замещение одних семиотик другими» (*aims to understand and describe in «phylogenetic» terms the displacement of some semiotics by others*) [36, p. 48]. При этом следует отметить, что в модели Р. Идэма язык отходит на второй план в рамках современной семиотической действительности, «он вообще не является центром коммуникации» (*language is not at all at the centre of all communication*) [36, p. 39].

Понимаемая таким образом ресемиотизация, имеет гораздо большее значение для социального конструирования, нежели в контексте текстуальной (языковой) репрезентации. В этом смысле изучение ресемиотизации раскрывает семиотические механизмы соотношения, с одной стороны, вещественности и, с другой, социокультурного и исторического устройства общества в условиях современности.

«In sum, if we regard meaning making as constituting the social construction of reality, then resemiotization thinks not so much in textual representation as in social construction <...> In closing, resemiotization is crucially interested in how materiality ('expression') serves to realize the social, cultural and historical structures, investments and circumstances of our time» [36, p. 50].

Группа нидерландских исследователей из Тильбургского университета, продолжая линию размышлений Р. Идэма, анализирует ресемиотизацию в прагматическом ключе, как ресурс (само)идентификации в медийном пространстве. Ресемиотизация, наряду с интекстуализацией, выступает инструментом, порождающим тождественность, общность, социальную связность, «групповость» и противоположные им разотождествление, разделенность, различие.

«The main goal in the paper is to show how entextualization and resemiotization work to discursively produce identification, commonality, connectedness and groupness as well as disidentification, separateness, and difference» [38, p. 2].

Пафос размышлений авторов сводится к тому, что ресемиотизация предстает в качестве процесса семиотического обогащения некоторого высказывания. Заметим, что здесь речь идет не столько о содержательном обогащении, сколько о приращении форм (способов) означивания. Иными словами, ресемиотизация понимается как усложнение формы высказывания через дополнительность вербальных и невербальных, аудиальных, видео, фото элементов. Соответственно, исследовательский интерес в данном случае представляет изучение пространства получившейся в результате ресемиотизации мультимодальности, где пересекаются различные семиотики (в смысле У. Эко).

Помещение ресемиотизации в дискурс символической политики задает этому феномену новые смыслы. Методологические основания исследования символической политики, фиксируемые О. Ю. Малиновой, масштабны и вполне могут быть рассмотрены в русле

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

мультиmodalности.

«Предлагаемый нами подход ориентирует не только на изучение целей, стратегий и технологий, реализуемых акторами, действующими в публичном пространстве (т.е. на выявление различных типов *symbolic policies*). Он также побуждает фокусировать внимание на процессе взаимодействия (конкуренции, поддержки, сопряжения и др.) между разными способами интерпретации социальной реальности, который в логике различения, имеющего место в английском языке, можно обозначить как *symbolic politics*. Наконец, данный подход нацелен на изучение специфических механизмов, обуславливающих наблюдаемые результаты такого взаимодействия – доминирование одних способов интерпретации социальной реальности и маргинализацию других, трансформацию дискурсов под влиянием конкуренции и т.п.» [13, с. 115–116].

Такой уровень проблематизации позволяет предложить достаточно широкое (системное) [5] понимание ресемиотизации как формы символической политики, раскрывающееся в следующих положениях, которые в своей дополнительности (от абстрактного к конкретному) формируют целостное представление о феномене:

а-ресемиотизация как изменение кодов культурной памяти;

б-ресемиотизация как изменение семиотики (способа представления означаемого) символа в исторической ретроспективе;

с-ресемиотизация как изменение значения (смысла) символа в зависимости от трансформации знаковой формы представления означаемого.

Ресемиотизация представляет собой процесс **изменения форм и способов представления образов определенного семиотического пространства в индивидуальном и общественном сознании**. В свою очередь, ресемиотизация в контексте символической политики может быть определена как **процесс изменения семиотических способов и знаковых форм представления образов, предпринимаемого для производства и продвижения определенных способов интерпретации социальной реальности**.

Ресемиотизация (а) как изменение кодов культурной памяти акцентирует внимание на выяснении «системообразующего свойства» современной символической политики. Существенным в этом контексте оказывается замечание И. Е. Фадеевой о том, что «после <...> свойственного XIX и XX векам перевода ‘символов сознания в знаки культуры’ <...> сегодня наблюдается противоположная тенденция: от знаков культуры к символам сознания» [32, с. 117]. Если изменяется «направление» семиотизации, то, очевидно, должны произойти подвижки и в рамках процессов ресемиотизации. Можно дать эту мысль в «сильной» формулировке: этот «поворот» и есть, по сути, поворот к ресемиотизации. Именно в этом и заключается природа изменения кодов культурной памяти.

Ресемиотизация (б) как изменение семиотики символа в исторической ретроспективе акцентирует внимание на способах представления означаемого: визуального / аудиального; вербального / невербального и т.д., то есть на «системообразующем отношении» между субъектом и объектом, а также между акторами символической политики.

Ресемиотизация (с) как изменение значения (смысла) символа в зависимости от трансформации знаковой формы представления означаемого (например: индекс, икона, символ²) акцентирует внимание на элементах системы символической политики. С. П. Поцелуев в част-

2 Думается, что наиболее адекватной рассматриваемому дискурсу является классификация Ч. С. Пирса, которая, как показывает У. Эко, удобна для представления знаков в контексте трех отношений: отношения к себе, отношения к объекту, отношения к интерпретанту [33, с. 147]. В данном случае мы обращаемся только к критерию отношения к объекту.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

ности обращает внимание на принципиальную взаимную неперевоодимость дискурсивных и презентативных символов [18, с. 66]. Процессы, связанные с перестройкой значений и кодов, могут привести как к «распаду когнитивно-семиотической сферы и фактически к зомбированию обыденного сознания посредством манипулятивных технологий», так и к «прорывным философским и художественным открытиям» [32, с. 117].

Как убедительно показывает в своих исследованиях Р. Барт, любое изменение формы сообщения (знака, символа) в результате дает приращение или обеднение значения [2]. Новое значение взаимодействует с исходным, или наличным в нескольких вариантах. Оно может:

- поглощать (перекрывать) наличное значение предмета культуры хронологически новым значением;
- отрицать наличное значение предмета культуры;
- создавать дополнительное значение, отсылающее к иной символической сфере.

К вопросу об акторах ресемиотизации

Представление о ресемиотизации как форме символической политики неизбежно ставит вопрос природы ресемиотических практик и, в конечном итоге, проблему актора. Решение указанных вопросов осложняется ситуацией «семиотического хаоса», о которой речь шла выше. Вместе с тем, объяснение такому положению вещей обнаруживается у У. Эко, который для описания подобной ситуации с точки зрения наблюдателя использует метафору «саморазрушение структуры» [33, с. 14]. «Философский принцип», который автор выводит из «бинарного принципа», гласит: «Пра-Система <...> не может быть системой или структурой», а если бы она и существовала, то «ее нельзя было ни увидеть, ни определить» [33, с. 17].

В этой ситуации «фехтования кодов» и значений процесс ресемиотизации условно может быть зафиксирован в двух основных формах: активной, связанной с конструированием нового значения (смысла) предмета культуры и его внедрением в общественное сознание; и пассивной, связанной, прежде всего, с изменением семиотического пространства, формирующего, в свою очередь, новые коды означивания предметов культуры. Иными словами, ресемиотизация может носить как естественный, так и искусственный характер. Такое разделение условно и, скорее, указывает на источник изменения значения, чем на природу самого процесса.

В контексте ресемиотической практики символическая политика реализуется в рамках субъект-объектной или субъект-субъектной моделей. В первой модели власть, выступая как единоличный субъект, осуществляет своеобразное «семиотическое насилие» над социумом как объектом. Вторая модель предполагает формальное «семиотическое равноправие» в отношении семиотического конструирования политического дискурса. Подобная идея в отношении акторов символической политики не нова. Например, Т. Мейером она представляется через метафоры «символическая политика сверху», «символическая политика снизу», «символическая политика сверху и снизу одновременно» [39; цит. по: 18, с. 68]. С. П. Поцелуев представляет мейеровскую модель в оппозиции власть / (подвластная) масса [18, с. 68–70]. В исключительном ведении власти как актора ресемиотизации находится, прежде всего, так называемая «политическая концептосфера» [29, с. 88], право на изменение которой фактически монополизировано. Подвластная масса «обречена» на так называемое «символическое поведение», наиболее ярким примером которого являются «символические акции протеста» [18, с. 69].

Такая (абстрактная) постановка проблемы акторов символической политики уместна

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

лишь «в первом приближении». Бинарная модель власть / масса представляет собой своеобразный «взгляд из космоса», который позволяет зафиксировать не реальные семиотические отношения, а, скорее, их направления, не визуализируя процессы когнитивной «подгонки» образа под семиотическую ситуацию или дискурс. Дальнейшее «приближение» наблюдателем пространства акторов символической политики раскрывает природу семиотических отношений, в которых они находятся. И здесь внимание обращает на себя медиа, или средства массовой информации – «организованные системы переноса символов» [34, с. 227], претендующие на статус самостоятельного актора [10]. Как показывает С. П. Поцелуев, особенности современной символической политики определяются именно «революцией в средствах массовой коммуникации» [18, с. 63], иными словами, действующей моделью СМИ. Если в оппозиции власть / масса представлены акторы, которые могут быть условно названы *генеративными*, ибо непосредственно принимают участие в создании новых значений, то средства массовой информации являют собой пример *трансляционного* актора, который обогащает или обедняет значение за счет изменения способа и формы представления уже измененного образа (значения). СМИ, по сути, не производят значения, а как раз ресемиотизируют наличные значения, используя «готовый семиотический продукт» власти и массы, которые функционально и системно ограничены в способах и формах ресемиотизации. Переход в своеобразном «ресемиотическом круговороте» от одного актора к другому (смена одного актора другим), как правило, связан с переходом от одних способов и форм представления означаемого к другим, а значит и с изменением значения (смысла).

Максимальное приближение «микрокосма» символической политики позволяет увидеть специфику конкретных ее акторов. Р. Идэма, со ссылкой на Г. Сейнт-Мартина (Saint-Martin) [40], подчеркивает, что «каждая семиотика имеет свои специфические (системные) ограничения и (материальные) способы выражения» (*each semiotic has its own specific (systemic) constraints and (material) affordances*) [37, р. 47], что косвенно свидетельствует в пользу наличия онтологической связи между семиотикой и актором (который также как и семиотика имеет свои «системные ограничения»). Как показывает О. В. Рябов, поле акторов символической политики достаточно обширное: «президент, правительство, "Единая Россия" и другие политические партии и общественные организации, представители ведущих конфессий страны, региональные лидеры; оно активно осуществляется через институты образования, науки, армии, церкви, СМИ на региональном, национальном и глобальном уровнях» [21], и, очевидно, в функциональном плане каждый из них имеет свои «системные ограничения» по использованию тех или иных образов культуры. Так, например, как показывает С. П. Поцелуев, «в практически-утилитарном плане эстетическая информация оказывается для власти предпочтительнее семантической, поскольку она способна подготавливать действия, противоречащие логике и объективному положению дел, но выгодные для властвующей элиты. В передаче по преимуществу эстетической информации и заключено содержание символической политики как формы политической коммуникации, нацеленной не на понимание, а на внушение устойчивых смыслов посредством визуальных эффектов» [18, с. 65]. В интересующем нас контексте О. В. Рябов, обращаясь к анализу образа Родины-матери, например, подчеркивает, что «государство обладает значительно большими возможностями говорить от имени "Родины", репрезентируя себя в качестве ее защитника и приравнивая ее к стране в целом» [21].

Более подробный анализ конкретных акторов символической политики, их места и роли в процессах ресемиотизации – повод для отдельных размышлений. В рамках настоящей статьи целесообразно сосредоточить внимание на сформулированном выше принципе «соответ-

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

ствия актора и используемой им семиотики», а также на примерах нарушения этого «императива» современного символического политического пространства России.

Образ Родины-матери: три кейса ресемиотизации

Ресемиотизации подвергаются самые различные образы и символы российской культуры: монументальные высказывания, коммеморативные практики, отдельные символы [19] и персоны [22], репрезентующие страну, государство.

Оказался в ресемиотическом круговороте и один из наиболее известных и древних символов России – образ Родины-матери [20], а также связанные с ней символы.

а-ресемиотизация

Изменение кодов культурной памяти связано, чаще всего, с изменением системы референций. Здесь с особой отчетливостью обнаруживает себя водораздел между понятийной и образной моделями мышления: «концептуализация, в отличие от понятийного мышления, ориентированного на систему устоявшихся кодов, представляет собой экзистенциально и символически заданный процесс удержания/собираения смысла в фокусе индивидуального сознания» [32, с. 117–118].

Ресемиотический цикл материнского образа Родины содержательно представляет собой последовательную трансформацию архетипов «Мать-сыра земля», «Богородица», «Родина-мать». Образ получает иные формы и способы выражения, оказываясь в новой картине мира, сначала с мифологическим, а затем, религиозным и светским концептом.

Наиболее выражено и прочувствованно образ «Матери-сырой-земли» дан в русских былинах: именно почвенная сила дает русскому богатырю жизненную энергию для творения добрых дел по защите родной земли и своего народа. Образ Родины-матери всегда имплицитно присутствовал, как видно из русской литературы, в сложном русско-российском сознании. Чеховская «Степь» представляет собой, может быть, лучший пример того, в каких высокохудожественных формах сохранился земной (а для XX века уже и биосферный) миф бытия и развития человека: автор удивительно органично показал рождение в сознании мальчика не только образа «Матери-сырой-земли», но и «родной матери», которая оказывается неотделимой от «Матери-родины». Народное богородническое сознание дает возможность прочувствовать многослойность и полифоничность религиозной онтологии сознания. Богородица выступает охранительным символом против «чужих» в контексте религиозной риторики. Логика развертывания региональных образов Богородицы связана с тем, что при канонической иконографии для каждого региона формируется свой особый нравственно-эстетический и философско-мировоззренческий тип идентичности. Неразделенность языческого и православного – один из самых важных моментов для понимания особенностей русской культуры. Хотя в отечественной историографии нередко разводят эти разновременные культурные формы, более продуктивно видеть их неразрывную когнитивную связь, предполагающую соединенность «сознания и подсознания» и «сознания и сверхсознания»: языческо-почвенническое – это связь с подсознанием, а монотеистическо-православное – это выражение самых высоких этажей человеческого сознания устремляющегося к абсолютным человеческим ценностям.

«Атеистическая» символика образа Родины-матери оказалась настолько синкретичной и общенародной (общеродовой), что стала понятной каждому. В XX веке символ Родины-матери в своем советском выражении прошел все стадии «символического онтогенеза». Родившись в первые послереволюционные годы в произведениях советских живописцев (в частности, в

“РОДИНА-МАТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

картинах «Петербургская мадонна» К. С. Петрова-Водкина и «Мать» А. Дейнеки), он вышел на просторы партийного идеологического творчества, в предвоенную эпоху созрев до формулы, выраженной в плакате Тоидзе, появившемся в первые дни войны, достиг своего акмэ в памятнике «Родина-Мать зовет!» на Мамаевом кургане в Сталинграде-Волгограде, а затем, в лоне «сурового стиля», стареет и в официальном дискурсе постперестроечной эпохи «умирает» за ненадобностью.

Все материнские символические «инкарнации» выполняют функции, характерные для образа Родины-матери: когнитивную, интегративную и мобилизационную [21], независимо от той системы знаковой референции, в которой они существуют. Родина-мать выступает как вневременная и внепространственная сущность метаистории страны, ибо в этом символе обнаруживаются неотъемлемые характеристики и Руси и России.

Постперестроечная ресемиотизация возвращает образ Родины-матери в политическое пространство современной России. Этот сложный семиозис хорошо представлен в работах известного российского художника-символиста Ильи Глазунова, в частности в монументальной картине «Рынок нашей демократии» (1999). На полотне запечатлены как мифологические и религиозные мотивы символа Родины-матери, так и ее светские, в том числе постперестроечные образы.

Ил. 1 «Рынок нашей демократии» (Илья Глазунов, 1999). URL: <http://glazunov.ru/tvorchestvo/monumentalnye-raboty/raboty/1999-rynok-nashei-demokratii>

Образ Родины-матери, начиная с нулевых годов, подвергается очередной волне ресемиотизации, определяемой картиной мира современной России. Как верно замечает К. А. Богданов, природа этой волны ресемиотизации определяется, прежде всего, со сменой семиотических ориентиров: диахронических и синхронических [28, с. 32]. «Семиотическая синхрония» предполагает, что символ хронологически соответствует своему знаковому окружению и семиотической картине мира, «семиотическая диахрония», напротив, предполагает своеобразное инобытие символа в «чужом» для него знаковом пространстве, иной системе культурных референций.

Примером диахронической ресемиотизации может служить эпизод, когда в начале мая 2015 года американский еженедельник «Business Insider» [The 12 most absurd Soviet-era buildings] опубликовал список «самых абсурдных построек советской эпохи», включив в их число монумент «Родина-мать зовет!», установленный на Мамаевом кургане в Волгограде [23].

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

«Родина-мать» была добавлена в рейтинг за свой размер, в два раза превосходящий масштабы Статуи Свободы. Это вызвало в России сотни и сотни негодующих откликов: политиков, деятелей культуры, журналистов, государственных чиновников, журналистов, блогеров, наконец, анонимных комментаторов.

Семиозис отечественного образа в контексте символической политики подвергся а-ресемиотизации, когда из пространства «эмоционально заряженных ссылок на миф» [15, с. 11] он переместился в эстетико-ориентированное измерение «монументальных высказываний». Изменение семиотической ситуации изменило и «правила игры»: переход из синхронического семиотического пространства в диахроническое сформировал предпосылки для появления нового значения, отличающегося от исходного.

Ситуация семиотической диахронии, когда образы советского прошлого изымаются из породившей их картины мира и помещаются в новое символическое пространство обнаруживает себя и в моделях b-ресемиотизации и c-ресемиотизации, изменяющих способы и формы репрезентации тех или иных символов.

b-ресемиотизация

Наглядным примером в этом случае выступает эпизод, получивший в сети условное название «"модный приговор" губернатора Бровко» [26].

Суть семиотического инцидента сводится к тому, что в 2010 году в Сочи на открытии международного инвестиционного форума основным символом презентации Волгоградской области стала «трехметровая статуя Родины-матери, одетая в нелепое одеяние (то ли платье, то ли сарафан) из бело-сине-красных цветов, символизирующих, вероятно, национальный флаг. Собственно, образ Родины-матери выдавали только рука со вскинутым мечом и характерная голова – в остальном это был уже самостоятельный образ, более смахивающий на пародию главного монумента с крупнейшего военного кладбища страны» [26].

Ил. 2 Статуя Родины-матери на открытии международного инвестиционного форума в Сочи в 2010 году. URL: www.golostos.ru

Здесь семиотическая ситуация не предполагает изменения в системе культурных референций, напротив, авторы инсталляции апеллируют как раз к коллективной памяти о прошлом. При этом трансформируется способ репрезентации образа Родины-матери. Это происходит за счет того, что исходный образ «обогащается» за счет одеяния и перемещается из пространства коммеморативных практик на «рынок». Подобная семиотическая ситуация как раз и порождает когнитивный диссонанс между героическим и потребительским. Попутно заметим, что колористическое решение «нового прикида» Родины-матери также вызывает недоумение. Два символа – «памятник советским солдатам, погибшим в войне с фашистской Германией, и трехцветные композиции, которые в период Великой Отечественной войны были эмблемой Русской освободительной армии (РОА) генерала Андрея Власова» [26], – легко синхронизируемых в исторической памяти, плохо согласуются между собой.

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К модели b-ресемiotизации можно отнести и идею руководителя Комитета по делам молодежи в администрации Волгоградской области «снять мультфильм, в котором ожившая статуя Родины-матери возглавила бы сопротивление напавшим на Россию покемонам или инопланетянам» [26]. По мнению автора идеи, такой мультфильм стал бы новым словом в пропаганде патриотизма среди волгоградской молодежи. С подобным подходом к проблеме можно согласиться, но, вместе с тем, следует принимать во внимание, что изменение способа представления символа без уверенности в укорененности в сознании его исходного смысла, может привести к «стиранию» истинного значения символа, а также структур исторической памяти, к которым он отсылает. Ориентация ресемiotизации на диахроническое соответствие образа и значения создает «непригодные» (в терминологии О. Малиновой) элементы современной российской символической политики.

с-ресемiotизация

Ресемiotизация такого типа предполагает не изменение способа представления образа – он остается прежним и узнаваемым – а трансформацию образа и связанного с ним значения, смысла. Хорошим примером может служить обращение к семиотическим экспериментам с плакатом Тоидзе «Родина-мать зовет!».

Заметим, что процессы ресемiotизации обнаруживают себя и в советский период. Вместе с тем, переозначивание осуществлялось в русле исторической и художественной преемственности, в зависимости от эволюции геополитических предпочтений: как в данном случае, от призыва к войне (в оригинале плаката) к призыву к миру. Форма представления символа здесь изменена с помощью изобразительных средств (мимика, жест, фон). Вместе с тем, определяющее значение здесь имеет вербальный ряд плаката, отсылающий к иной, отличной от исходной, «легенде».

В постсоветской изобразительной риторике изменение значения достигается за счет замены исходных элементов плаката на диахронические, отсылающие к символической реальности постсоветской эпохи.

Ил. 3 «Во имя мира» (Ираклий Тоидзе, 1959). URL: www.geo.ru

Концептом приведенных изображений, центральным образом остается образ Родины-матери. Именно он задает эмоциональный фон, сопровождающий прочтение плаката. Однако вербальные и невербальные изобразительные средства, подкрепленные эмоциональным посылом, отсылают зрителя к потребительской «мифологии» постсоветской истории России.

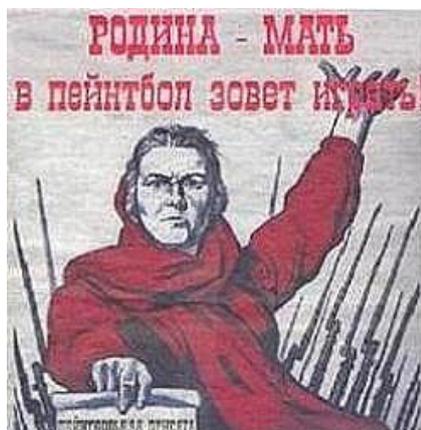
Палитра дискурсов, использующих образ Родины-матери в символическом пространстве современной России, достаточно разнообразна. Представленные выше изображения позволяют выделить, по крайней мере, три дискурса: потребительский, развлекательный, политический. Культура симулякров, складывающаяся в последнее время в России, задает соответствующий импульс для символической политики, которая фактически десакрализовала символ борьбы советского народа с фашистскими захватчиками, низведя его статус до знака-сигнала, требующего проявления потребительского инстинкта. Образ Родины-матери в политическом дискурсе имеет

несколько иное звучание: он востребуется как знак-индекс, указывающий на ту или иную идентичность, задаваемую провластным, либеральным или популистским дискурсами [21].

“РОДИНА-МАТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Ил. 4. «Родина-мать на распродажу». URL: kuzbass85.ru

Ил. 5 «Родина-мать зовет в пейнтбол играть». URL: paltus-lj.livejournal.com

Ил. 6. «Родина-мать вызывает о помощи». URL: victoriarossi.livejournal.com

Предварительные итоги

Значимой формой современной символической политики России является ресемантизация — процесс изменения семиотических способов и знаковых форм представления образов, предпринимаемого для производства и продвижения определенных способов интерпретации социальной реальности.

Предметом ресемантизации все чаще становятся символы и образы прошлого, используемые в борьбе за право определять способы интерпретации социальной реальности [12, с. 8].

Одним из таких эмоционально насыщенных образов, включенным в ресемантический круговорот символической политики, становится «Родина-мать». Условно различимы три модели, по которым осуществляется ресемантизация символа Родины-матери. *Первая модель (а-ресемантизация)* предполагает смену систему референций, в которой изначально находится интересующий нас символ. Это может быть связано с переходом от синхронической семиотической модели к диахронической, т.е. с помещением (советского) символа в иные (постсоветские) пространственно-временные координаты. Другой вариант имеет место, когда изменение системы референций связано не с пространственно-временными характеристиками, а со сменой дискурсивных практик, например, этической на эстетическую. Чаще всего, в этом случае, наличное значение предмета культуры перекрывается новым значением (темпоральным или дискурсивным). *Вторая модель (b-ресемантизация)* задается сменой способов представления символа акторами символической политики. В этом случае, умышленно или неумышленно создается дополнительное значение, отсылающее к иной символической сфере. Именно в этой модели возникают когнитивные коллизии и парадоксы, создающие возмущение «поверхности» символической политики России. *Третья модель (с-ресемантизация)* раскрывается через трансформацию исходного символа посредством усложнения структуры

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

(формы) его представления. Зачастую это приводит к фактическому отрицанию наличного значения предмета культуры.

Строго говоря, в чистом виде анализируемые модели ресемиотизации вряд ли существуют. Скорее, корректнее вести речь о переходных *a-b-ресемиотизации* и *b-c-ресемиотизации*, так как изменение системы референций часто сопровождается изменением способа представления символа. В свою очередь, сложность современных знаковых систем наряду с изменением способа трансляции символа предполагает изменение и его формы.

Актеры современной символической политики, активно обращаясь к образам Родины-матери, нередко девальвируют ее как символ, как «эмоционально заряженную ссылку на миф» [15, с. 11]. В этих условиях существует опасность, что статус Родины-матери будет низведен практически до уровня простого знака (индекса или сигнала).

Библиография

1. Анисимова Л. В. Д. Блейх и смена парадигм в литературоведении США 1960–1970-х годов // Молодежь и наука: реальность и будущее. Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Редкол.: Т. Н. Рябченко, Е. И. Бурьянова. В 2 т. Невинномысск: НИЭУП, 2014. Том I. 449 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
3. Белоненко Е. О. Семиотизация времени в философии Ж. Деррида // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2013. № 26 (166). С. 178–182.
4. Ганжара О. А. Визуальная семиотизация как способ структурирования социально-культурной реальности (на материале кинотекста) // Наука. Инновации. Технологии. 2006. № 2. С. 84–93.
5. Дмитриевская И. В. Системные аспекты взаимосвязи знака и значения // Неизреченное слово: мемориальный сборник, посвященный профессору А.Н. Портнову. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 36–53.
6. Иванов П. В. Потребление как агент легкой социальности в городском пространстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том 14. № 05 (58). С. 142–147.
7. Ищенко В. Г. Семиотизация в сфере услуг // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 9. С. 146–149.
8. Кирсанова Н. П. Символические основы российской политики // Проблемы современной науки. 2013. № 7–2. С. 164–170.
9. Лебедев В. Ю. Семиотический анализ западнохристианского ритуала: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: МГУКИ, 2009. 37 с.
10. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
11. Люсьи А. П. Метаинициации. Семиотизация личности в пространстве поиска русского текста культуры // Философские науки. 2009. № 12. С. 56–69.
12. Малинова О. Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // ПОЛИТЭКС. 2010. Том 6. № 1. С. 5–28.
13. Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114–130.
14. Можейко М. А. Социальное пространство постмодерна: феномен семиотизации бытия // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2011. № 7. С. 89–94.
15. Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

9–27.

16. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.

17. Парамонова В. А. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц // Власть. 2012. № 12. С. 50–53.

18. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62–76.

19. Рябов О. В. Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195–211.

20. Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 1. С. 90–113.

21. Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4.

22. Рябов О. В. «Света из Иваново» как зеркало Болотной революции // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 125–147.

23. Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4.

24. Самойлова Е. О. Семиотизация истории в нарративных мирах аниме // В мире научных открытий. 2014. № 11.12 (59). С. 4993–5006.

25. Семенов В. Е. Языки богослужения в секулярном контексте современной культуры // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 1 (6). С. 6–14.

26. Серенко А. Н. «Модный приговор» губернатора Бровка // Независимая газета. 20.09.2010 http://www.ng.ru/politics/2010-09-20/3_kartblansh.html

27. Славина О. В. Теоретико-методологические основания изучения символизации социально-политической реальности в трансформирующихся обществах // Грани. 2014. № 11 (115). Листопад. С. 81–85.

28. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101.

29. Сукало С. А. Символические измерения политических концептов современных российских парламентских партий (на примере партийных программ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (133). С. 87–92.

30. Сухачёв В. Ю. «Права народов», этнические меньшинства и я-идентичность // Национальный вопрос и права беженцев. СПб.: СПб писательская организация, 1998. С. 72–88.

31. Фадеева И. Е. Антропологическая проблематика в структуре культурологического образования // Universitas: Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 14–17.

32. Фадеева И. Е. Символ и концепт: к вопросу об экзистенциальной концептуализации // Человек. Культура. Образование. 2014. № 2 (12). С. 106–120.

33. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Symposium, 2004. 538 с.

34. Baacke D. Kommunikation und Kompetenz. Grundlegung einer Didaktik der Kommunikation und ihrer Medien. München: Juventa-Verl., 1980. 408 s.

35. Bleich D. Subjective Criticism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1981. 309 p.

36. Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // Visual Communication. 2003. # 2. P. 29–57.

37. Iedema R. Resemiotization // Semiotica. 2001. #137. P. 23–39.

38. Leppänen S., Kytölä S., Jousmäki H., Peuronen S., Westinen E. Entextualization and resemiotization as resources for (dis)identification in social media // Tilburg Papers in Cultural Studies. Paper #57. Tilburg: Tilburg University, 2013. 46 p.

"РОДИНА-МАТЬ"
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

39. Meyer T. Die Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. 205 s.
40. Saint-Martin F. Visual and Verbal Semantics // Sebeok T. A. and Umiker-Sebeok J. (eds) Advances in Visual Semiotics: The Semiotic Web 1992–93. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 375–401.
41. Scollon R. Discourse itineraries: Nine processes of resemiotization // Advances in Discourse Studies / V. Bhatia, J. Flowerdew and R. Jones (eds). London: Routledge, 2008. P. 233–244.

References

1. Anisimova L. V. D. Bleikh i smena paradigm v literaturovedenii SShA 1960–1970-h godov // Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Redkol.: T. N. Riabchenko, E. I. Burianova. V 2 t. Nevinnomyssk: NIJeUP, 2014. Tom I. 449 s.
2. Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury / Per. s fr., vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2003. 512 s.
3. Belonenko E. O. Semiotizatsiia vremeni v filosofii Zh. Derrida // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofii. Sociologii. Pravo. 2013. № 26 (166). S. 178–182.
4. Ganzhara O. A. Vizual'naia semiotizatsiia kak sposob strukturirovaniia social'no-kul'turnoi real'nosti (na materiale kinoteksta) // Nauka. Innovatsii. Tehnologii. 2006. № 2. S. 84–93.
5. Dmitrevskaia I. V. Sistemnye aspekty vzaimosviasi znaka i znacheniiia // Neizrechennoe slovo: memorial'nyi sbornik, posviashchennyi professoru A.N. Portnovu. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2012. S. 36–53.
6. Ivanov P. V. Potreblenie kak agent legkoi social'nosti v gorodskom prostranstve // Zhurnal sociologii i social'noi antropologii. 2011. Tom 14. № 05 (58). S. 142–147.
7. Ishchenko V. G. Semiotizatsiia v sfere uslug // Sborniki konferencii NIC Sociosfera. 2011. № 9. S. 146–149.
8. Kirsanova N. P. Simvolicheskie osnovy rossiiskoj politiki // Problemy sovremennoi nauki. 2013. № 7–2. S. 164–170.
9. Lebedev V. Ju. Semioticheskii analiz zapadnokhristianskogo rituala: Avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk. M.: MGUKI, 2009. 37 s.
10. Luman N. Real'nost' massmedia / Per. s nem. A. Ju. Antonovskogo. M.: Praxis, 2005. 256 s.
11. Liusyi A. P. Metainitsiaysii. Semiotizatsiia lichnosti v prostranstve poiska russkogo teksta kul'tury // Filosofskie nauki. 2009. № 12. S. 56–69.
12. Malinova O. Ju. Konstruirovaniie makroskopicheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii: simvolicheskaiia politika v transformiruiushcheisii publichnoi sfere // POLITEKS. 2010. Tom 6. № 1. S. 5–28.
13. Malinova O. Ju. Problema politicheskoi «prigodnogo» proshlogo i evoliutsiia ofitsial'noi simvolicheskoi politiki v postsovetsoi Rossii // Politicheskaiia konceptologiiia: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniia. 2013. № 1. S. 114–130.
14. Mozheiko M. A. Social'noe prostranstvo postmoderna: fenomen semiotizatsii bytiia // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. E: Pedagogicheskie nauki. 2011. № 7. S. 89–94.
15. Naumkin V. V. Islamizm, etnichnost' i konflikty: o roli simvolicheskoi politiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika. 2009. № 1. S. 9–27.
16. Nikolozii R. Peterburgskii panegirik XVIII veka: Mif — ideologiiia — ritorika. M.: Jazyki slavianskoi kul'tury, 2009. 216 s.
17. Paramonova V. A. Social'noe prostranstvo goroda: otrazhenie v nazvaniiax ulitc // Vlast'. 2012. № 12. S. 50–53.
18. Potseluev S. P. Simvolicheskaiia politika: konstelliatsiia poniatii dlia podkhoda k probleme // Polis. 1999. № 5. S. 62–76.
19. Riabov O. V. Ohota na medvedia: O roli simvolov v politicheskoi bor'be // Neprikosnovennyi zapas. 2009. № 1. S. 195–211.
20. Riabov O. V. «Rodina-Mat'» v istorii vizual'noi kul'tury Rossii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia. 2014. № 1. S. 90–113.

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

21. Riabov O. V. «Rodina-mat'» v simvolicheskoi politike perioda «Bolotnoi revoliutsii»: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 4.
22. Riabov O. V. «Sveta iz Ivanovo» kak zerkalo Bolotnoi revoliutsii // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2013. № 5. S. 125-147.
23. Riabova T. B., Romanova A. A. «Rodina-mat'» kak kul'turno-semioticheskij resurs sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 4.
24. Samoilova E. O. Semiotizatsiia istorii v narrativnykh mirakh anime // V mire nauchnykh otkrytii. 2014. № 11.12 (59). S. 4993–5006.
25. Semenov V. E. Jazyki bogosluzheniia v sekuliarnom kontekste sovremennoi kul'tury // Vestnik SPbGUKI. 2011. № 1 (6). S. 6–14.
26. Serenko A. N. «Modnyj prigovor» gubernatora Brovko // Nezavisimaia gazeta. 20.09.2010 http://www.ng.ru/politics/2010-09-20/3_kartblansh.html
27. Slavina O. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniia izucheniia simvolizatsii social'no-politicheskoi real'nosti v transformirujushchikhsia obshchestvakh // Grani. 2014. № 11 (115). Listopad. S. 81–85.
28. Sovremennye tendentsii v antropologicheskikh issledovaniiah // Antropologicheskii forum. 2004. № 1. S. 6–101.
29. Sukalo S. A. Simvolicheskie izmereniia politicheskikh kontseptov sovremennykh rossiiskikh parlamentskikh partii (na primere partinyh programm) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.k: Gumanitarnye nauki. 2014. № 5 (133). S. 87–92.
30. Sukhachiov V. Ju. «Prava narodov», etnicheskie men'shinstva i ia-identichnost' // Natsional'nyj vopros i prava bezhentsev. SPb.: SPb pisatel'skaia organizatsiia, 1998. S. 72–88.
31. Fadeeva I. E. Antropologicheskaja problematika v strukture kul'turologicheskogo obrazovaniia // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2014. № 2. S. 14–17.
32. Fadeeva I. E. Simvol i kontsept: k voprosu ob ekzistentsial'noi kotseptualizatsii // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2014. № 2 (12). S. 106–120.
33. Eko U. Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu. Sankt-Peterburg: Symposium, 2004. 538 s.
34. Baacke D. Kommunikation und Kompetenz. Grundlegung einer Didaktik der Kommunikation und ihrer Medien. München: Juventa-Verl., 1980. 408 s.
35. Bleich D. Subjective Criticism. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1981. 309 p.
36. Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // Visual Communication. 2003. # 2. P. 29–57.
37. Iedema R. Resemiotization // Semiotica. 2001. #137. P. 23–39.
38. Leppänen S., Kytölä S., Jousmäki H., Peuronen S., Westinen E. Entextualization and resemiotization as resources for (dis)identification in social media // Tilburg Papers in Cultural Studies. Paper #57. Tilburg: Tilburg University, 2013. 46 p.
39. Meyer T. Die Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. 205 s.
40. Saint-Martin F. Visual and Verbal Semantics // Sebeok T. A. and Umiker-Sebeok J. (eds) Advances in Visual Semiotics: The Semiotic Web 1992–93. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 375–401.
41. Scollon R. Discourse itineraries: Nine processes of resemiotization // Advances in Discourse Studies / V. Bhatia, J. Flowerdew and R. Jones (eds). London: Routledge, 2008. P. 233–244.